

Время
для мага

Сергей Лукьяненко

Юрий Некрасов

Василиса Павлова

Евгений Лукин

Людмила и Александр Белаш

Николай Горнов

Максим Тихомиров

Михаил Савеличев

Александр Громов

Леонид Каганов

Ксения Кабак

Андрей Щербак-Жуков

Сергей Игнатьев

Время для мага

Лучшая фантастика 2020

**Составитель
Андрей Синицын**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С38

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.*

Составитель — *Андрей Сеницын*

Оформление обложки — *Александр Шпаков*

С38 **Время** для мага. Лучшая фантастика — 2020: [фантастические повести и рассказы] / Составитель — Андрей Сеницын. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Книги Сергея Лукьяненко).

ISBN 978-5-17-119814-5

Традиционный годовой сборник издательства АСТ включает самые свежие произведения признанных мастеров русскоязычной фантастики: Евгения Лукина, Леонида Каганова, Александра Громова, а также рассказы писателей-фантастов нового поколения — победителей мастер-классов, номинантов и обладателей литературных премий.

Настоящим подарком читателям данного сборника станет абсолютно новая остросюжетная повесть Сергея Лукьяненко «ВРЕМЯ ДЛЯ МАГА»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119814-5

© Сеницын А.Т., составление, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Юрий Некрасов

В ОКОВАХ СТАЛИНГРАДА

Хуже всего были руки. Грубые, как черствый хлеб, они напоминали лавовое поле — Фридрих так сказал, мы ему верили, школьный учитель Фридрих знал все на свете. Лавовые поля — запекающаяся кровь земли, магматическая корка.

Наши руки, дубленные солидолом, порохом и сажей, по локоть убитые чужой russisch землей, с узкими глубокими порезами алой плоти. Кажется, русские называли это сіркі. Или как-то так. Кровавые расщелины.

Изнасилованная эта земля тоже была покрыта сотней сіркі — траншеи и окопы, воронки и выбоины.

Гордый прежде город еще летом стоял из последних сил, к октябрю рухнул, сломался и гнил теперь вокруг нас, мертвый исполин с нержавеющей именем советского fuhrer.

«Что же творится у меня во рту?» — подумал я, но мысль ушла, не успела закрутить разум, он разучился удерживать больше одной мысли за раз.

В траншею втащили раненого іван. Мы облепили его, жадные трупные мухи, трогали, суетились, пока Стефан не прикрикнул.

Уложили іван на спину, левой рукой он закрывал дыру в груди. Меж пальцев пузырилось. Мы переглянулись в ужасе.

— Мы тебя выходим, — унижаясь, врал Фридрих, он протянул иван пустые ладони, сложил лодочкой, склонился, поднял их ко лбу, — только напои нас.

— Вот, сюда, — по рукам пришла мятая кружка.

— Дайте воды!

В правую руку иван сунули флягу, помогли наклонить ее, чтобы потекло, зажурчало.

— Из твоих рук, — умолял Фридрих, задышался, — вот так, вот...

Мы смотрели, как он наклоняет кружку, вода булькала, переливаясь через край, текла прямо в открытый рот Фридриха. Священный миг.

На губах Фридриха закипела смола, он выбил кружку, покатился по земле, пытаясь руками, обшлагом, комьями земли ободрать с лица пузырящуюся маску.

Мы молча встали над иван.

Тот уходил грязно, судороги выворачивали тело, как постиранное белье, но безотрывно смотрел на нас ледяными своими, беспощадными глазами.

Никто не осмелился закрыть их, когда он умер.

Тело бросили в подвал дома неподалеку, ближе подходить не стали, из раны в земле несло диким смрадом, боюсь представить, сколько таких иван вперемежку с нашими осталось в этой дыре.

Вернулись за Фридрихом, тот стоял на коленях и жрал глину. Мы взяли его под руки и понесли домой.

Дом.

Этот город станет могилой для всех нас.

Безымянной могилой глупости и отчаяния.

* * *

Вечерами приходил миг, когда воздух уставал от разрывов. Канонада шептала где-то по ту сторону неба, шепелявая и безопасная. Любой, отличный от нее звук становился песней. В такие моменты мы предпочитали молчать. Уши отдыхали, тишина становилась фланелевой и нежной, и мы ели ее большими ложками. В такие мгновения что-то ломалось в привычном скелете солдата, лопался корсет, и мы расска-

зывали друг другу то немногое, что не могли больше держать в себе. Все самое дикое. Предсмертные откровения.

* * *

Мы сидели у костра, тесно прижавшись друг к другу. Гельмут штыком ковырял картофелины, проверяя, достаточно ли те испеклись. Стефан обкусывал ногти.

— Ты франт, Стефан, настоящий дамский угодник, — подтрунивал над ним Отто. — У тебя есть фрау? Ты из Берлина? — Он задавал этот вопрос сотни раз. Никто из нас не жил в Берлине. — Миленькая золотоволосая фрау, как из сказки? У меня таких было с десяток. Я рано начал. О, Стефан, ты не поверишь...

Эльзасский коротышка Отто не мог усидеть на месте, подсакивал, мерил шагами этаж, на котором мы прятались. Мы давно развели это место, артобстрелом сняло верхние этажи, мы сидели в глубокой коробке без крыши, глухие стены с трех сторон, без окон и выбоин, в которые нас могли бы увидеть, длинный коридор на выход, засыпанный битым кирпичом, любой шаг отдавался эхом метров на двадцать. Мы не шумели, костер разводили за углом, грели руки, иногда ели, чаще просто пялились в огонь.

Возвращаться к своим было выше любых сил. Нужно было выбрать время, высыпать его под ноги, вернуться под утро, когда победоносное наше войско забудется истерическим сном алкоголика. Пили глухо, мешали одеколон и кофляк. О более жутких сочетаниях и говорить не хочется.

Руки мерзли, я прятал их в рукавах. Привалившись ко мне боком, сидел Гюнтер. Он разобрал мой автомат и рассматривал его, будто видел в первый раз. Станный малый этот Гюнтер. Даже на фоне нашей шестерки он выделялся. Ушел воевать, подделав документы, на самом деле ему шестнадцать.

— Я убил крысу кирпичом, — не хотел вспоминать этот разговор, но мысли, как дым, идут, куда дует ветер, — потом паршивую собаку зарубил. Лопатой. И подумал, надо валить.

Гюнтер сбежал из дома, испугался, что убьет мать и брата.

У него прилизанные редкие волосы цвета гнилой соломы. Сам Гюнтер похож на виноватого пса, что нашкодил и теперь

боится порки. А еще Гюнтер трус, когда пришлось стрелять по строю бегущих на него *ivan*, он обоссался и притворился мертвым. Рядом шарaxнуло из миномета, укрыло дурака землей, как одеялом, очухался по ту сторону фронта, еле выполз к своим. Теперь везде таскался за нами, чистил стволы, перевязывал раны. Жрал мало, вопросов не задавал. Пригрели. Привыкли.

Мысли, непослушные блохи, скакнули к Гельмуту. Этот — громила. Как его пули не нашли? Заговоренный он, что ли? Гельмут слыл добряком, любил соленые шутки, ржал, широко обнажая лошадиные свои зубы. Я видел, как Гельмут голыми руками оторвал голову *ivan*. Настоящий боец Рейха, бесстрашный и тупой, как рельса.

Фридрих сидел, с головой накрывшись шинелью. Фридрих плакал, я отсюда слышал его всхлипы, и они мне нравились. Мы еще можем плакать. Мы еще люди.

Я облизнулся. Перед глазами стояла вода, тонкий ручеек, он льется в пасть Фридриху. Вода, Господи, вода. Думал ли я...

Воздух прорезал тончайший свист. Я начал движение прежде, чем опознал угрозу.

— Вниз! — заорал Стефан и рухнул к стене. И как только услышал? Стукнуло среди кирпичей, покатилося в угол. Вторая. Третья!

Мы кинулись врассыпную, я споткнулся, упал на Гельмута, ужас придал мне сил, я дернул его, без сомнений и жалости, укрылся под его тушей, и тут граната окатила нас овацией. Мне рассекло щеку, и боль придала осмысленность всему, все сделала значимым. Вернула миру краски.

Мир подпрыгнул, ударил под зад кованым сапогом, сунул мне в ребра, набил пасть кирпичной крошкой. В ушах бил церковный набат пульса.

Я дышал осколками стекла.

— Гельмут! — заорал я, пытаюсь выползти из-под него. Автомат!

Мой автомат остался у Гюнтера!

Гельмут не шевелился, левая моя рука оказалась придавленной, я дергал правой, пихал своего спасителя, пытался подтянуть колени и ими оттолкнуть грузное тело. Моя ладонь

погрузилась в пульсирующий ад кишок Гельмута. Его разворотило, как тушу на бойне. Кровь, живая, бьющая залпом, хватала меня за пальцы, требовала помощи, орала, звала.

Но я слышал лишь свое имя, его кричали друзья, просили встать в строй. Занять оборону.

Но потом все заслонил хруст кирпича. Он приближался медленно, неотвратно. Примерно двадцать метров хорошо простреливаемого коридора? Они шли, не скрываясь.

Автоматы в руках тех, кто выжил, устроили пляску святого Витта.

У нас тоже были гранаты. Две чертовы гранаты.

Ivan умирали молча, иногда коротко вскрикивали, падали, точно статуи. И их было много. Намного больше, чем нас.

Я помнил, что считал. Я слышал, как кончились патроны. Кто-то лез на стены в пустой попытке выбраться наружу.

Мы попались.

Я вспомнил фразу, смешившую меня в детстве: «каменный мешок». Мы нашли свою смерть в таком.

* * *

Ivan швырнули внутрь еще пару гранат. Одна упала перед самым моим носом. Крутилась, метя мне в лицо. Я зажмурился. Она не рухнула.

Сухой треск автоматных выстрелов напомнил мне стрекот печатной машинки, мама, уложив меня спать, набирает текст. Утром его нужно будет отнести в контору. Если в тексте не будет опечаток, мама получит на пару рентных марок больше. Она купит молока и свежего хлеба, и к тому моменту, как я проснусь, на столе будет стоять кружка... с чистой водой. Мама, пожалуйста, вода!

Ivan подошел к телу Гельмута и несколько раз выстрелил ему в голову.

* * *

Отто сидел к нам спиной и держал что-то на коленях.

— Вы можете в меня стрелять, я готов, — сказал он, не обернувшись на звук наших шагов.

— Все в порядке, Отто, — Стефан выступил вперед, неделя ада выковала из маменькиного сынка стального ефрейтора, — это мы. Здесь нет gussisch.

— Загляни в котелок, — попросил Отто. Мы обошли его и увидели, что он держит в руках миску с водой. Стефан наклонился, мы встали поодаль. По лицу Отто бродили скверные мысли. За последние полгода мы отлично научились их различать. Клаус ткнул меня в бок — гляди! — я разглядел пистолет, который Отто держал в опущенной руке. Дерьмо! Добром это не кончится.

— Там ничего нет, — обнял его за плечи Стефан, — тент, палатка.

— Это мальчик, — Отто говорил ровно, по горлу его перекатывался кадык, будто он силился проглотить какую-то непомерно огромную штуку, — внук того старика.

— Старика? — Гельмут тоже заметил пистолет и зашел с другого бока. Мы стояли, напряженные, готовые к рывку. Отто был один из нас, мы только что вместе выгребли из преисподней и не собирались отдавать ей одного из своих.

— Три шага назад, — бесцветно продолжил Отто, стряхнув руки Стефана и одним движением приставив пистолет к виску, — отошли.

Мы медленно подчинились.

— Мы вошли в город рано утром, цепью прочесывали дома на окраине. Все оттуда уже ушли, но нужно было проверить. Я шел по этажу, заходил в квартиры, открывал двери, дверь за дверью, дверь за дверью... — Рука Отто задрожала, пистолет расцарапал кожу, Стефан помотал головой — нет!

— Там никого не было, Отто. Мы были вместе.

— Нет был. — Отто на миг оторвал взгляд от воды в тарелке. — Нет был! Я пнул дверь, и там стоял мальчишка, прямо посреди комнаты, сжимал тюк со своим барахлом. Ему было не больше, чем моему племяннику Августу. Семь лет. Семь лет!

— Отто.

— Я хотел ему сказать, — вода в тарелке пошла кругами, кап-кап, — беги отсюда, я не трону, и тут распахнулась дверь.

Я закрыл глаза. Голос Отто звенел. Сейчас они кинутся и заберут у него пистолет.

— Я нечаянно! — разрыдался Отто. — У меня сорвался палец! Я не хотел!

Я услышал рывок, звук летящих, врезающихся друг в друга тел, распахнул глаза и увидел, как тарелка отлетает в сторону, Стефан уронил Отто на пол, а Гельмут, распластавшись, навалившись всем телом, рвет, выкручивает руку с пистолетом.

Даааааах! — что-то ударило меня в висок, как раз туда, куда метил себе Отто. Пуля расплавилась о кожу и потекла за шиворот. Я завизжал. Боль! Какая боль!

* * *

Я очнулся, когда пошел снег. Он облепил мне лицо, как посмертная маска, но я еще дышал, снег шипел, испаряясь, я открыл рот — боже, хотя бы пару капель! — но вода застывала на моих губах солью. Мой рот. Пустыня, по которой Моисей сорок лет водил свой народ.

Гельмут сковал меня окоченевшим своим телом. Я полз из-под него не менее часа, проклинал, но был жив. Жив!

В комнате, где нас расстреляли *ivan*, мы с Гельмутом остались одни. Остальные прорвались, попали в плен или были растерзаны в столь мелкие клочья, что я их не заметил.

Я подобрал автомат, проверил магазин. Пусто.

Вспомнил, Отто рассказывал нам историю про своего первого убитого. Мальчика он застрелил случайно, дед выбил автомат из рук, и Отто, этот тщедушный болтун, его задушил.

Мне придется душить *ivan*, если я их встречу.

Пуля пропахала мне левую щеку и уснула в мясе левой груди. Я пощупал ее сквозь кожу, пуля сидела глубоко. Боли было недостаточно, чтобы я обрадовался жизни. Хорошо, что не потерял сапоги.

Я вышел под чугунное небо осени и побрел в сторону своих.

Сталинград ломал мне ноги, я шел от стены к стене, от траншеи к подвалу, ежесекундно рискуя попасться на прицел *ivan*.

Внезапно обрушился вечер.

Сколько я пролежал в братской для нас с Гельмутом могиле? Сутки, больше?

Я услышал звук метронома и упал, скорчился, пополз под рухнувшую стену, я затолкал пальцы поглубже в уши, но и туда пробивался этот убийственный звук.

Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк.

«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат».

ААААА! Только не сейчас!

Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк.

«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат».

Где этот чертов громкоговоритель?! Я хотел вылезти из своей норы и раздолбать его, разорвать голыми руками, но инстинкт держал меня за хвост, глубокое крысиное чутье, рептилия — так рассказывал Фридрих, дружище Фридрих, жив ли ты? Что с твоим ртом? Смола, дрянное дело.

Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк.

«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат».

Прекрати! Перестань! Я выйду я выйду я выйду. Сейчас выйду!

Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк.

«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат».

Я принялся кусать камень, чувствуя, как крошатся мои зубы. К черту! Зачем мне зубы, если я не могу пить? Все равно мы едим камни, дайте мне больше камней!

Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк.

«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат».

И наконец зазвучало танго. Легкое танго. Смертельное танго. Я проходил это десятки раз. И у меня был проверенный способ выжить — я просто начинал танцевать с Ангеликой, где ты, милая, протяни мне руку, и я закружу тебя в ритмах танго. Но я нащупал лишь мертвую руку Гельмута. Он стиснул мою, и я счастливо потерял сознание.

* * *

Мы сидели на холме, высоко над рекой, смотрели, как прибывает баржа с новобранцами. Она колола новорожденного лед тупым носом, двигалась неуклюже, неотвратимо.

— Они еще не знают, — затянулся пустым дымом Фридрих. Мы мешали табак с сухим укропом, этого добра у повара оказался целый ящик. Он безропотно отдал нам траву в обмен на новенькие сапоги Ганса. Тому прострелили легкое и отправили в тыл. Полгода назад мы еще увозили раненых в тыл.

Новобранцы прыгивали на причал, как мешки с тряпьем, скорее, падали, поднимались с трудом, поддерживали друг друга, вязко текли в сторону набережной.

— Знают. — Я увидел человека, который не пошел к набережной. Он стоял и смотрел в воду. — Сейчас прыгнет. — Я даже вскочил на ноги.

— Стой, дурак! — Фридрих скомкал в ладони недокуренную папиросу.

Человек прыгнул.

Дикая russisch река не приняла его, вздыбилась острием льда, на который он рухнул, ушибся, закричал, как чайка, лед окрасился алым, но человек встал. Он шатался, но сумел сделать шаг. За ним тянулась ледяная дорожка. Он шел, потом упал на колени и пополз, упрямый вол, дерзкое человеческое животное, он тянулся к краю, пытался зачерпнуть воду, но та не давалась, резала его твердыми бритвами, вот тебе вода, получи, на, возьми еще горсть!

Наконец он затих, река намыла вокруг него саркофаг из вето, пены и черного ила и поглотила.

Люди на причале молча провожали самоубийцу, но тут из воды им под ноги начала выбрасываться рыба, черная, облепленная нефтяной вонючей пленкой, она широко разевала рот, выблевывая фонтаны алой крови. Та мгновенно застыла на морозе.

— Wolga-Wolga, mutter Wolga, — пропел Фридрих и начал скручивать новую папиросу.

* * *

Меня разбудило желание пить.

Никогда не думал, что это будет так страшно. Убить за поток воды.

Я выполз из норы и попал в царство Снежной королевы. Мертвый город погрузился в зимний сон.

Вода, что может быть проще? Вокруг меня лежали килограммы воды, я зачерпывал снег горстями, и он таял, оставаясь в ладони кварцевой крошкой.

Я поискал взглядом какую-нибудь посуду. Вокруг меня лежали руины.

Спустил штаны и поразился, какой чистый у меня член. Младенчик — по сравнению с руками!

Я помочился в ладонь, стараясь сдерживаться, не выпустить полную струю, облизывал потом пальцы — не потерять ни капли, и вспоминал, как Отто подрался с ефрейтором Альбертом. Тот разводил мочу шнапсом и продавал за десять рейхсмарок стакан. Шнапсом! Портил добрую мочу. Тогда мы еще считали бумажки.

* * *

Стефану разворотило половину лица.

Он встретил меня с этой жуткой, ничем не заклеенной, никак ни скрытой раной. По дикой прихоти природы кровь остановилась, кости срослись, и теперь у Стефана лицо напоминало полумесяц из детского спектакля.

— Я одним глазом вижу лучше, чем ты обоими и задницей в придачу, засранец. — Ефрейтор облапил меня так, что чуть не раздавил ребра.

Я выбирался из окружения неделю. За то время, что меня не было, фронт выдавил нас к самой реке.

— Кто? — Из меня только достали пулю, на длинные предложения я был не способен.

— Только мы с Отто. — Я не спрашивал, как им удалось спастись. Какая разница? Иван забрали моих друзей, но я жив.

— Отто?

— Он плох. — Стефан неопределенно помахал рукой. — Пусть спит.

— А я?

— А ты как раз вовремя, — посерьезнел Стефан, — мы идем в наступление.

— Не домой? — Не думал, что мои глаза способны слезиться.

— Не домой.

Мы устроили пир: жрали консервы, рубили банкам головы ножом Стефана, стоило нам коснуться жирной, сочащейся потом ветчины, как она засыхала, мумифицировалась, жадничая отдать хотя бы каплю воды, крошили деревянный хлеб, ломали гипсовые яблоки, обильно перчили пергаментные капустные листья и запивали это крепчайшим, будто сироп, шнапсом, пьянея до одури, до дикого, разрывающего вены пульса. Завтра нас ждал каменный стул. Крики над туалетными ямами. Сегодня мы славили жизнь, как умели.

* * *

Генерал танковых войск Фридрих Паулюс стоял на постаменте. Сброшенный с него памятник мертвому вождю тенью лежал позади, припорошенный снегом. Мы видели, что Паулюс перестал быть человеком. Не знаю, что он пил, но кожа его превратилась в стекло, под которым вверх и вниз сновали поезда из дерьма и крови.

— Фюрер отдал мне приказ удерживать город. Вы знаете, я хотел оставить это место и увести вас.

Люди молчали. Перед генералом, расползаясь по берегу, сколько хватало глаз, стояли тысячи человек. Толпа молчала, но слова Паулюса растекались по ней, как нефтяные пятна по воде. Люди не пили уже полгода. Вода отвергала их.

— К нам идет фельдмаршал Манштейн. Объявлена операция «Wintergewitter», которая прорвет блокаду и позволит нам утопить город в крови. Но мы не имеем права на слабость. Мы должны вырвать хребет у этого города. Унизить russisch. Растоптать их.

Паулюс бросал слова бесстрашно, не боясь отдать их ветру. Иван знал, что мы готовились сделать.